

Лихтер П.Л. Категории прекрасного, соразмерно-го, истинного в учении Платона как предпосылки формирования правовой реальности // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 26-38. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_26

УДК 1(091):340:34.01

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_26

Категории прекрасного, соразмерного, истинного в учении Платона как предпосылки формирования правовой реальности

Павел Леонидович Лихтер

Пензенский государственный университет

г. Пенза, Россия

E-mail: lixter@mail.ru

Поступила в редакцию 13.11.2023, поступила после рецензирования 05.12.2023, принята к публикации 21.12.2023

В статье рассматриваются некоторые идеальные категории как фундирующие основания правовой реальности. Учитывая вариативность возможных предпосылок права, автор ограничивается тремя модификациями блага, выделенными Платоном в диалоге «Филеб»: прекрасное, соразмерное, истинное. Постулируется возможность использования для объяснения взаимосвязи указанных предпосылок и правовых феноменов такого понятия аналитической философии, как супервертность, которое обозначает детерминированность свойств двух сложных систем. Подчеркивается, что традиционно данное понятие употребляется при описании зависимости ментальных феноменов от физических оснований, но также оно имеет методологические перспективы и в юридической науке. Рассматриваются три модификации блага в диалоге «Филеб» и их роль в формировании правовых институтов. В этой связи выделяются несколько уровней эстетики, характеризующих не только стилистическую красоту, но и внутреннее содержание юридических конструкций. Особое внимание уделяется рецептивной эстетике, изучающей опыт восприятия правовых институтов субъектом правоотношений. Согласно данной концепции, правовые феномены должны быть эстетичными и обоснованными для того, чтобы быть принятыми реципиентами. Это особенно важно при закреплении конституционных ценностей: легитимизация фиктивных аксиологических элементов создает риски правовой аномии. Также в статье определяется значимость для онтологии права корреспондентной теории истины, обосновывающей приоритет рационального познания универсалий над чувственным опытом. Для решения поставленных задач используются историко-правовой, логический, структурно-функциональный, нормативно-ценностный, диалектический, прогностический, сравнительный методы и подходы. Исходя из полученных в ходе исследования результатов, автор делает

© Лихтер П.Л., 2024

вывод о самостоятельном онтологическом статусе правовых феноменов, которые обладают признаком реальности как интеллигибельные элементы объективного мысленного бытия участников правоотношений.

Ключевые слова: правовая реальность, предпосылки права, эстетика, соразмерность, истина, супервентность, объективный идеализм, онтология права, рецептивная эстетика, Платон

Categories of the Beautiful, Proportionate, and True in Plato's Doctrine as Prerequisites for the Formation of Legal Reality

Pavel L. Likhter

Penza State University
Penza, Russia
E-mail: lixter@mail.ru

Received 13.11.2023, revised 05.12.2023, accepted 21.12.2023

Abstract. The article considers some ideal categories as foundations of legal reality. Taking into account the diverse potential prerequisites of law, the author focuses on three modifications of the good highlighted by Plato in the dialogue "Philebus": the beautiful, the proportionate, and the true. The article argues the utility of employing such a concept of analytical philosophy as supervenience, which describes the determinacy of sets of properties in two complex systems, to explain the interplay between these prerequisites and legal phenomena. While traditionally used to describe the dependence of mental phenomena on physical grounds, supervenience also has a methodological relevance within legal science. Three modifications of the good as delineated in "Philebus" and their contributions to the formation of legal institutions are considered. For this purpose, several levels of aesthetics are distinguished, which not only encompass stylistic beauty, but also the substantive content of legal constructs. Special attention is paid to reader-response criticism, which studies the experience of perception of legal institutions by a subject of legal relations. According to this perspective, legal phenomena have to possess aesthetic appeal and justification in order to be accepted by recipients. This is especially important when consolidating constitutional values: the legitimization of fictitious axiological elements creates risks of legal anomie. The article further underscores the significance of the correspondence theory of truth for the ontology of law, justifying the priority of rational cognition of universals over empiricism. To solve research problems, legal-historical, logical, structural-functional, normative, dialectical, prognostic and comparative methods and approaches are used. Based on the findings of the study, the author concludes about the independent ontological status of legal phenomena that have a sign of reality as intelligible elements within the objective mental being of participants in legal relations.

Keywords: legal reality, prerequisites of law, aesthetics, proportionality, truth, supervenience, objective idealism, ontology of law, reader-response criticism, Plato

For citation: Likhter P.L. Categories of the Beautiful, Proportionate, and True in Plato's Doctrine as Prerequisites for the Formation of Legal Reality, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 26-38. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_26

Введение

Вопрос о том, что представляют собой правовые институты на самом базовом уровне, сохраняет актуальность в юридической науке. В разное время магистральные тенденции признавали основными правообразующими предпосылками экономический базис, политическую волю, божественный промысел, этику, социальные отношения и т.д. Однако многообразие вариантов не обеспечило окончательного ответа на поставленный вопрос. В XX в. произошел так называемый антропологический поворот, который предложил объяснение окружающей действительности, исходя из субъективного восприятия человека. В результате юридическая антропология начала поиск оснований правовой реальности, прежде всего, в сознании индивида. Подобная антропологическая абсолютизация сопряжена с рисками крайнего индивидуализма, так как предполагает перенесение на человека любых ценностей внешнего мира (Лосев 1997: 732). Но чем интенсивнее субъективизм, тем более пустой и бессодержательной оказывается объективная реальность.

Вопрос о фундамирующих основаниях правовой реальности остается открытым. Одна из возможных исследовательских стратегий – обращение к классическому наследию континентальной философии, которое предопределило развитие основных школ современной гуманитарной мысли. Не случайно А. Уайтхед отмечал, что «вся европейская философия – не более, чем комментарии к сочинениям Платона» (цит. по: Stengers 2011: 17). Исходя из этого, возможным вариантом методологии исследования будет редуцирование значительного количества рассматриваемых предпосылок формирования права до набора ценностей, находившихся в фокусе внимания мыслителей прошлого, но сохранивших актуальность в современной юриспруденции.

Отправной точкой для поиска фундамирующих оснований права в настоящей статье выбран ценностная иерархия социального взаимодействия, предложенная Платоном. По мнению философа, на ее вершине находится идея блага, которая как солнце освещает явления в мире вещей. В диалоге «Филеб» он уточняет, что в случае невозможности удержания блага в одной идее мы можем выразить его через три идеи – красота/прекрасное (κάλλει), соразмерность (συμμετρία), истина (ἀλήθεια) (Платон 1994b: 75).

Основной целью работы является изучение возможности установления супервентности правовых институтов на определенных идеальных предпосылках. Для этого будут последовательно рассмотрены категории, предложенные Платоном в «Филебе»:

- 1) эстетические основания как фактор формирования онтологических конструкций права;
- 2) соразмерность как базовый процессуальный принцип права;
- 3) истина как познание несокрытой сущности правового феномена.

Посредством историко-правового, логического, структурно-функционального методов планируется выявить и описать эстетические модификации, которые могут определять форму и содержание правовых институтов

(конституционных норм, законов, судебных прецедентов). Нормативно-ценностный, диалектический, прогностический методы необходимы для построения ясных аналогий в структуре возникновения права. Сравнительный метод будет использоваться для сопоставления элементов правового пространства разных стран и исторических периодов, обладающих общими признаками.

Супервентность правовых институтов

На первом этапе исследования взаимосвязи правовых феноменов и их сущностных предпосылок представляется целесообразным уйти от простой логической импликации к отношению супервентности. Данный термин, обозначающий детерминированность двух сложных систем, получил широкое распространение в аналитической философии за счет работ, отвергающих физикализм ментальных процессов (Kim 1993). Согласно Д. Чалмерсу, «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах» (Чалмерс 2013: 55). В аналитической традиции этот термин обычно используется при изучении соотношения физических предпосылок и основанных на них ментальных феноменов.

В юридической науке термин пока не употребляется, однако он обладает инструментальным значением для описания сложной структуры детерминированности правосознания, правовой реальности и фундирующих их предпосылок. Признак супервентности определяет отношение детерминированности двух сложных систем, которое не следует упрощать до простой импликации (связка «если... то...»). Импликация применяется обычно в логике и является более широким понятием, а супервентность используется при изучении соотношения специфических системных объектов.

Начальный тезис о правовой супервентности можно сформулировать следующим образом: правовые объекты супервентны как на материальных (социально-экономических), так и идеальных предпосылках. Этот тезис предполагает связь с рядом вопросов фундаментальной юриспруденции, в том числе:

- насколько существенными будут различия законодательства (Б-факты), если оно построено на одинаковых идеальных категориях (А-факты);
- будут ли отличаться правовые институты (Б-факты) при изменении эстетических и иных оснований (А-факты);
- в чем будут выражаться эти изменения, и насколько они неизбежны?

Поиск ответов на перечисленные вопросы предполагает разделение супервентности на *логическую* (ее можно помыслить) и *дескриптивную* (фактически сложившуюся). С одной стороны, в каждом государстве действуют свои законы, специфические по структуре и содержанию; с другой – в различных национальных юрисдикциях возникают схожие нормы, например, по охране окружающей среды или смягчению уголовного преследования для некоторых категорий лиц. Причем возникновение идентичных норм в различных странах может быть объяснено уникальными культурными, социальными, религиозными условиями.

Также важно разделять супервентность в зависимости от масштаба изучаемого юридической наукой объекта правовой реальности. При исследовании отдельного правового факта речь идет о *локальной супервентности*. Если же рассматривается влияние различных предпосылок на правовую культуру или правовую систему целого государства, то имеется в виду *глобальная супервентность*.

Признание возможности построения права на идеальных категориях противопоставляется в онтологии права методологическому редукционизму, который признает самостоятельный онтологический статус только за объектами физической реальности. Материалистический подход предполагает восприятие объектов как совокупности элементарных частиц, взаимодействующих согласно определенным физическим законам. Однако в правовой науке такого объяснения недостаточно, так как ее предметную область в основном составляют абстракции. Принципы справедливости, соразмерности, истинности, блага, правовые ценности и идеалы невозможно объяснить через физические характеристики. Как отмечает В.С. Нерсесянц, «объективность права и объективность существования права состоят как раз в его абстрактности, формальности» (Нерсесянц 2020: 46), то есть право представляет собой абстрактную форму фактически сложившихся отношений между людьми. Недопустимо при этом отождествлять правовую реальность и «феноменальный мир» многообразных проявлений жизни.

В целях разработки методологии определения детерминированности правовых институтов сущностными основаниями нами будут рассмотрены три идеальные категории, перечисленные в «Филебе» как составляющие идеи блага: прекрасное, соразмерное, истинное. Перечень фундирующих предпосылок можно расширить за счет категорий справедливости, свободы, равенства и т.д., но холистический принцип всеобщей взаимосвязи и универсальный характер рассматриваемых категорий позволяют показать общий алгоритм формирования правовых феноменов на определенных онтологических основаниях.

Эстетические категории как онтологические предпосылки права

Недостаточно рассматривать правовую реальность дискретно, как набор несвязанных элементов. Для понимания онтологических конструкций важны объединяющие категории соразмерного, гармоничного, прекрасного, совершенного (Люсев 2000: 452). Тем не менее в научной литературе сохраняются тенденции «узкого» подхода к исследованию эстетики права: как правило, эстетические проблемы юриспруденции сводятся к вопросам стиля, внешнего оформления нормативных документов (Сергеева 2010). В то же время можно выделить как минимум формальный и содержательный аспекты эстетики права. Первый подразумевает качество и адекватность отражения смысла в правовых документах, второй предусматривает методологическую основу для взвешивания разнонаправленных элементов правовой реальности. Соответственно, рассматривая влияние идеаль-

ных категорий на формирование правовых феноменов, можно выделить несколько модификаций эстетики: структурную, динамическую, рецептивную, холистическую.

Структурная эстетика предполагает строгую систематизацию категорий права, но содержит риски избыточной классификации, формализации, что может вызвать чувство «доктринальной клаустрофобии».

Динамическая эстетика призвана учитывать внешние технологические, культурные, социально-экономические и иные факторы (Коваль, Лозо, Зенин 2023). Однако право вне структурных рамок теряет функциональность при регулировании социального взаимодействия.

Рецептивная эстетика как герменевтическая концепция возникла в середине XX столетия в рамках анализа процесса взаимодействия читателя с текстом. Она постулирует тезис, что текст сам по себе – это еще не произведение, произведение – смысл текста в восприятии реципиента. Эта концепция в юриспруденции предполагает перемещение фокуса внимания на опыт восприятия правовых институтов субъектом правоотношений.

Различные уровни эстетики помогают систематизировать сущностные предпосылки права и его внешние проявления, которые могут с разной степенью доступности передавать суть феноменов для снижения рисков искажения правовой реальности. Для современной эстетики права сохраняет значение концепция красоты, предложенная в «Филебе», как нераздельное единство внутреннего содержания и внешнего воплощения. Актуально изучение соотношения идеалов прескриптивной теории права и фактически сложившихся правовых институтов (дескриптивной теории). По Платону, исследование разрыва между провозглашенными в законах ценностями и существующими в социальной реальности нормами – основная задача наук об обществе, а преодоление этого разрыва возможно с помощью эстетических инструментов.

По мысли философа, эстетика поглощает этику как учение о добродетели. Надлежащее поведение человека стремится к совершенству, которое прекрасно по определению. Разделение права, политики и этики произошло в истории человечества значительно позднее. Платон при описании оптимального политико-правового устройства и добродетелей гражданина полиса постоянно оперирует категориями гармонии, соразмерности, музыкальности. В свете признака супервентности описанное понимание эстетики сохраняет значение для юридической науки, так как позволяет воспринимать правовые феномены через их сущности (эйдосы). На определенной степени отвлечения супервентность объектов правовой реальности (Б-факты) устанавливается за счет соответствия формы воплощения определенным основаниям (А-факты). При этом супервентность подлежит оценке через призму эстетических категорий, которые одновременно выступают как формообразующие и содержательные предпосылки. Их влияние на правовые феномены создает важный онтологический эффект: через категории эстетического правовой институт воспринимается как элемент объективной реальности, то, что составляет общий предмет интенционального внимания при социальном взаимодействии.

В призме *эстетического холизма* интерсубъективность будет одним из определяющих признаков правовой реальности. Термин «холизм» в данном случае подчеркивает приоритет целого над его частями. Эту реальность могут формировать только интеллигибельные феномены, то есть доступные для общего понимания. П. Шлаг пишет: «...эстетика предлагает нам методологию, с помощью которой мы мыслим право, делаем право и воображаем будущие направления права. Она формируют самую его сущность» (Schlag 2002: 1102). Этот вывод подтверждает теорию Платона об использовании эстетических инструментов для объединения внутреннего содержания и внешнего воплощения феноменов социального взаимодействия.

Эстетический холизм обуславливает важное терминологическое последствие при воплощении сущностных конструкций права. Субъекты в разных ситуациях могут по-разному воспринимать понятие «закон» (как текст, как цель, как санкцию, как угрозу и т.д.), однако использование этого слова в процессе правоотношений создает холистический эффект – фиксацию многомерных связей правовой реальности в конкретной точке за счет объединения различных смыслов. Так реальность воплощения сковывает и дает возможность использования универсалии *ad hoc*.

Подобная объективизация и эйдетизация восприятия доказывает возможность самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов. Например, при восприятии вещи в смысле ст. 128 Гражданского кодекса РФ недостаточно идентифицировать совокупность ее различных материальных характеристик. Субъектам права удобнее рассматривать вещь как абстракцию (то есть в определенном смысле как «эйдос» вещи, в котором объединены ее цели и причины). Даже с прагматической точки зрения невозможно сгруппировать все акциденции без привлечения идеальных понятий. Объективность права достигается за счет его абстрактности.

Соразмерность как эстетическая модификация права

Выше постулировался тезис о том, что эстетические модификации выступают факторами формирования правовой реальности. Но в условиях бесконечной вариативности каузальных цепочек этой реальности эстетические категории также выступают ограничивающим ее фактором. Для понимания данного процесса необходимо привлечение второй составляющей идеи блага из «Филеба» – соразмерности.

Для античного мировоззрения характерно представление об окружающем мире как сбалансированном универсуме, подчиненном закономерностям (логос Гераклита, нус Анаксагора) (Warren 2007). Человек является частью универсального космоса, и лучшее, что он может сделать, – соответствовать его размеренному величию. Ценность искусства заключается не просто в красоте подобию, но в закономерном с точки зрения бытия. Соответственно, юридические конструкции должны познаваться не как застывшие формы, но как живые пульсирующие структуры, эстетически обоснованные и создающие логическое пространство для формирования эссенциальных элементов действительности. В подобной перспективе

окружающий мир в его разнообразных проявлениях требует упорядоченности. Термины «мера» и «соразмерность» используются Платоном как противоположность всему хаотическому и небытийственному, то есть эстетические категории опосредуют важную функцию объединения объективного и субъективного, представимого и фактического, реального и идеального. Платон перечисляет следующие модификации, увязывающие идею и образ: мера, число, ритм, гармония, соразмерность. Все они схожи в том отношении, что выступают ценностью сами по себе, но одновременно могут иметь инструментальное значение при формировании сбалансированной системы элементов правовой реальности.

Принцип соразмерности в античной традиции связан с понятием «логос» (λόγος). Первоначально оно означало одновременно «смысл», «слово», «мысль», «число». В более широком контексте стало использоваться при описании устойчивых закономерностей, всеобщих законов развития, отражающих онтологическую сущность мира и определяющих феномены окружающей действительности. Гераклит, с чьим именем связано появление данного термина, использовал его для подчеркивания дистанции между всеобщим законом бытия и алгоритмами человеческого общения. Таким образом, философ постулировал одну из базовых проблем объективного идеализма (которую позднее будет рассматривать Платон в мифе о пещере): люди, постоянно сталкиваясь с космическим логосом, не могут (не хотят) его понять.

Правовые институты неразрывно связаны с внешними факторами окружающего мира. Внутри этого единства «все течет», вещи и субстанции перетекают друг в друга согласно ритму взаимоперехода и законосообразности. Так же как логос остается равным сам себе, право, отражая динамичные общественные отношения, должно сохранять ориентацию на идеальные категории, чтобы обеспечивать стабильность и гармонию разнонаправленных интересов в обществе.

Гераклит настаивал на том, что единство мира не только не исключает столкновение противоположностей, но и с необходимостью его предполагает. Единство мира проявляется в его движении, постоянном становлении и столкновении составляющих его частей. У Гераклита мы находим то, что позднее Гегель назовет законом борьбы и единства противоположностей. Важно учитывать взаимозависимость различных элементов правовой реальности: любой феномен, любая мысль, любой «объект» имеет прямую или опосредованную связь со всем остальным. В контексте правовой супервентности данная когерентность вновь приобретает значение после увлечения юристов идеями редуccionизма, антропологизма, постмодернизма с их атомизацией социальной реальности.

Холистическая методология предполагает в первую очередь разрешение вопроса о самом принципе возможного взаимодействия противоположных элементов правовой реальности и вопроса оценки результатов такого взаимодействия. Ответом на первый вопрос может стать идея соразмерности (логоса), дополненная современными достижениями науки, в том числе концепцией натуралистического дуализма Д. Чалмерса. «Космическая распря» разнонаправленных элементов окружающего мира, по

Гераклиту, обеспечивает их развитие и одновременно взаимное сдерживание. При этом само существование одних явлений возможно только за счет противодействия других элементов реальности. Например, образуют единый континуум переходы дня и ночи друг в друга. В контексте супервентности правовой реальности идеальные предпосылки (А-факты) также «перетекают» в правовые институты (Б-факты), оставаясь единым континуумом. При этом обусловленность Б-фактов А-фактами не означает, что они тождественны, то есть конкретные правовые феномены могут не обладать свойствами эстетических оснований, эстетика не должна быть редуцирована до нормативных схем.

Всякая вещь, по Гераклиту, утверждает и отграничивает себя через борьбу, через сопротивление своим явным противоположностям. Мыслитель подчеркивает, что если подобная распря прекратится, то победитель установит окончательное господство, но система как таковая будет разрушена. Поэтому важной методологической задачей становится поиск меры оптимального «горения конфликта» между противоположностями. Поиск такой пропорции – функциональная задача при закреплении в законодательстве конкурирующих правовых интересов и принципов.

Истина как категория объективного отражения сущности права

Третья составляющая идеи блага в «Филебе» – истина. И если категория прекрасного в этой триаде имеет в большей степени содержательное значение, то истина выступает процессуальным оформлением соответствия представления об объекте его бытийственной сущности.

В современной литературе термин «истина» нередко употребляется для формальной манифестации характеристики правового действия или инициативы. Впрочем, нередко предикативная связка с определением «истинный» скрывает фиктивную сущность правового феномена, за которым стоят корыстные интересы. Поэтому важно не допускать терминологического произвола и корректно использовать рассматриваемое понятие при разрешении проблем верификации соответствия знания факту.

В зависимости от основного отличительного критерия (непротиворечивость, проверяемость, точность, общепризнанность, полезность) в разное время появились когерентная, верификационистская, плюралистическая, прагматическая концепции истины. Платон первым сформулировал классический вариант корреспондентной теории истины¹ в диалогах «Кратил» (Платон 1990: 613-614) и «Софист» (Платон 1993: 297). Практически идентичную формулировку позднее использовал Аристотель в «Метафизике»: «...говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» (Аристотель 1976: 141). В дальнейшем содержание теории уточнялось мыслителями, но формулировка сути сохраняется: знание следует признать истинным, если оно отражает объективную реальность.

¹ Название (от лат. *correspondentia* – соответствие) появилось позднее.

В мифе о пещере, который приводится Платоном в седьмой книге диалога «Государство», феноменальный мир без рациональной проверки предстает не более чем набором теней на стене. Соответственно, задача философа – освобождение от оков гносеологического заблуждения и осознание сущности объектов. По сути, миф о пещере в доступной форме обосновывает переход от эмпиризма к рационализму. Знание/эпистема (ἐπιστήμη) подразделяется Платоном на рассудочное/дианою (διάνοια) и интуитивное/ноэзис (νόησις). Последнее дает доступ к истине, так как связано с априорным созерцанием эйдосов, не отягощено балластом чужих мнений и искажениями чувственного восприятия. При этом не отрицается реальность чувственного опыта человека; просто классическая интерпретация корреспондентной теории истины исходит из рационального подхода, так как основные объекты человеческого познания – универсалии, а подобное можно познать только подобным.

Рациональное созерцание объектов мира идей освещается, по Платону, как солнцем идеей блага – основой всего прекрасного, гармоничного и бытийственного (Платон 1994а: 298). В ней заключается не просто истинное бытие, но тот источник света, который способствует уяснению сущности объективной реальности. Поэтому слово ἀλήθεια обычно переводят как «несокрытое». Следует уточнить, что эта несокрытость связана именно с сущностью объекта, а не внешним проявлением его признаков. Ведь то, что бытийственно, не может быть сокрыто от правильной рациональной идентификации, то есть истина здесь понимается не как установление определенного факта в духе позитивизма, но как некое откровение.

Сущностным свойством истины будет ее «открытость» для объективного и строго онтологического понимания. Такой подход подтверждается лингвистическим анализом употребления слова ἀλήθεια. Для классического периода Древней Греции более корректным переводом является не «истина», а «реальность» (Palmer 2009: 89). Позднее М. Хайдеггер в работе «Учение Платона об истине» также указывал на онтологическую природу термина. По Хайдеггеру, несокрытое – это доступное для рационального познания откровенное бытие, которое следует отличать от «очевидного» бытия, доступного чувственному восприятию (Heidegger 1947).

Подобные концепции истины, перемещенные в область онтологии права, неизбежно порождают вопросы. Насколько можно доверять чувственному восприятию правовых феноменов? Зависит ли в принципе истинность юридических фактов от восприятия? А если исходить из первоначального значения слова ἀλήθεια, для гносеологии права ключевым будет вопрос о том, каким образом объекты правовой реальности открываются для познания человека. Для ответа на него с точки зрения объективного идеализма необходимо привлечение теории эйдосов.

Эйдосы обладают самостоятельным онтологическим статусом, так как отражают объективный масштаб, а не субъективное мнение. Соответственно, истинность элементов правовой реальности определяет не субъективное восприятие, а возможность их присутствия (ср.: *Dasein* Хайдеггера) в интерсубъективном пространстве человеческого общения.

Заключение

Вопрос о сущностных предпосылках права остается для науки дискуссионным. В последнее время принято указывать на значимость экономических предпосылок. Сторонники экономического анализа отстаивают тезис о том, что основной целью права является его эффективность, которую всегда можно выразить в экономическом эффекте, причем как на эксплицитных, так и имплицитных рынках. Представитель этой теории Р. Познер является одним из самых цитируемых юристов в мире (Sharifo 2000). Параллельно в рамках постнеклассических концепций провозглашена актуальность постмодернистских принципов разнообразия мнений, отказа от поиска единственной истины, дисперсии, иронии и т.п. Это порождает риски субъективизации права, трансформации его в явление, лишенное фундаментальных оснований. Препградой для подобных траекторий юридических исследований служит внимательное изучение аксиологических концепций, доказавших свою бытийственность на протяжении длительного времени, в том числе перечисленные Платоном в «Филебе» ценности красоты, соразмерности, истины.

Платон резюмирует миф о пещере описанием главной цели человеческого познания: «...идея блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного» (Платон 1994а: 298). Далее философ уточняет, что от нее зависят всякое теоретическое знание и сознательная деятельность в общественной жизни. Такая позиция предполагает холистическую и индуктивную направленность. В современном обществе происходит обратный процесс, связанный с последовательной атомизацией знания и человека. Если для античного миропонимания свойственно стремление к объединению различных элементов при осознании окружающей реальности, то современный человек привык рассматривать объекты автономно (Лихтер 2020).

Подводя итог исследованию, сделаем ряд выводов.

1. Категория супервентности как свойство детерминированности сложных систем обладает методологическим потенциалом при установлении фундирующих предпосылок права и самостоятельности их онтологического статуса. Проведенное исследование постулирует тезис о супервентности правовых феноменов на идеальных категориях, к которым следует отнести эстетику, соразмерность, истинность.

2. Признание значения эстетических категорий для формирования права опровергает редукционизм, рассматривающий в качестве реальных только объекты материального мира. Такой подход создает важный онтологический эффект: происходит фиксация многомерных связей объекта правовой реальности *ad hoc* за счет объединения различных его смыслов, что открывает возможность единого понимания универсалий.

3. Рассмотрение влияния идеальных категорий на формирование правовых феноменов позволяет выделить несколько модификаций эстетики – структурную, динамическую, рецептивную. Последняя предполагает ана-

лиз правовой реальности путем перемещения фокуса внимания на опыт восприятия правовых институтов в процессе социальных отношений.

4. Для юридической науки сохраняет актуальность классическая интерпретация корреспондентной теории истины, доказывающая приоритет рационализма над чувственным опытом, поскольку основные объекты человеческого познания – универсалии – недоступны для чувственного восприятия (подобное познается подобным).

5. Категории прекрасного, соразмерного, истинного как предпосылки формирования правовой реальности позволяют постулировать самостоятельный онтологический статус ее объектов, которые могут не являться субъекту в смысле *existere*, но реальны в смысле *est* как интеллигибельные элементы объективного мысленного бытия участников правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аристотель. 1976. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 63-367.
- Коваль В.Н., Лозо В.И., Зенин С.С. 2023. Смена парадигмы экологического права в условиях новой реальности // *Lex russica*. Т. 76, № 3. С. 110-123. DOI 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123
- Лихтер П.Л. 2020. О модели конституции соразмерного развития // *Lex russica*. Т. 73, № 5. С. 18-28. DOI 10.17803/1729-5920.2020.162.5.018-028
- Лосев А.Ф. 1997. Хаос и структура. Москва : Мысль. 831 с.
- Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики : в 8 т. Т. 1. Москва : АСТ. 624 с.
- Нерсесянц В.С. 2020. Философия права. Москва : Норма : Инфра-М. 848 с.
- Платон. 1990. Кратил // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 613-681.
- Платон. 1993. Софист // Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 275-345.
- Платон. 1994а. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 3. С. 79-420.
- Платон. 1994б. Филеб // Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 3. С. 7-78.
- Сергеева С.Л. 2010. Проявление эстетики в праве, ее культурная и социальная ценность // Актуальные проблемы российского права. № 3. С. 21-26.
- Чалмерс Д. 2013. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. Москва : Либроком. 512 с.
- Heidegger M. 1947. Platons Lehre von der Wahrheit. Brief über den Humanismus. Bern : A. Francke. 119 s.
- Kim J. 1993. Supervenience as a Philosophical Concept // Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge : Cambridge University Press. P. 131-160.
- Palmer J. 2009. Parmenides and Presocratic Philosophy. Oxford : Oxford University Press. 428 p.
- Schlag P. 2002. The Aesthetics of American Law // *Harvard Law Review*. Vol. 115, iss. 4. P. 1047-1118. DOI 10.2307/1342629
- Shapiro F.R. 2000. The Most-Cited Legal Scholars // *The Journal of Legal Studies*. 2000. Vol. 29, iss. 1. P. 409-426. DOI 10.1086/468080
- Stengers I. 2011. Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge : Harvard University Press. 552 p.
- Warren J. 2007. Presocratics. New York : Routledge. 240 p.

References

- Aristotle. *Metaphysics*, Aristotle. *Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1976, vol. 1, pp. 63-367. (In Russ.).
- Chalmers D. *The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*, Moscow, Librocom, 2013, 512 p. (In Russ.).
- Heidegger M. *Platons Lehre von der Wahrheit. Brief über den Humanismus* [Plato's Doctrine of Truth. Letter on Humanism], Bern, A. Francke, 1947, 119 p. (In German).
- Kim J. Supervenience as a Philosophical Concept, *Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays*, Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 131-160.
- Koval V.N., Lozo V.I., Zenin S.S. Changing the Paradigm of Environmental Law in a New Reality, *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 3, pp. 110-123. (In Russ.). DOI 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123
- Likhter P.L. The Model of the Constitution of Proportionate Development, *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 5, pp. 18-28. (In Russ.). DOI 10.17803/1729-5920.2020.162.5.018-028
- Losev A.F. *Chaos and Structure*, Moscow, Mysl', 1997, 831 p. (In Russ.).
- Losev A.F. *The History of Ancient Aesthetics in 8 volumes*, vol. 1, Moscow, ACT, 2000, 624 p. (In Russ.).
- Nersesyants V.S. *Philosophy of Law*, Moscow, Norma & Infra-M, 2020, 848 p. (In Russ.).
- Palmer J. *Parmenides and Presocratic Philosophy*, Oxford, Oxford University Press, 2009, 428 p.
- Plato. Cratylus, *Plato. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1990, vol. 1, pp. 613-681. (In Russ.).
- Plato. Philebus, *Plato. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1994, vol. 3, pp. 7-78. (In Russ.).
- Plato. The Republic, *Plato. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1994, vol. 3, pp. 79-420. (In Russ.).
- Plato. The Sophist, *Plato. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1993, vol. 2, pp. 275-345. (In Russ.).
- Schlag P. *The Aesthetics of American Law*, Harvard Law Review, 2002, vol. 115, no. 4, pp. 1047-1118. DOI 10.2307/1342629
- Sergeeva S.L. Manifestation of Aesthetics in Law, Its Cultural and Social Significance, *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2010, no. 3, pp. 21-26. (In Russ.).
- Shapiro F.R. The Most-Cited Legal Scholars, *The Journal of Legal Studies*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 409-426. DOI 10.1086/468080
- Stengers I. *Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts*, Cambridge, Harvard University Press, 2011, 552 p.
- Warren J. *Presocratics*, New York, Routledge, 2007, 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Леонидович Лихтер

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права Юридического института Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия; ORCID: 0000-0001-8950-4325; ResearcherID: B-6082-2018; Scopus AuthorID: 57250157300; SPIN-код: 3124-1207; E-mail: lixter@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel L. Likhter

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Private and Public Law, Institute of Law, Penza State University, Penza, Russia; ORCID: 0000-0001-8950-4325; ResearcherID: B-6082-2018; Scopus AuthorID: 57250157300; SPIN-code: 3124-1207; E-mail: lixter@mail.ru